

5. Hantsch H. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung//Wiener Historische Studien I. Wien, 1953. s
6. Metallarbeiter Zeitung. 21. 06. 1883.
7. Plener E. Die englische Fabrikgesetzgebung. Vienna, 1871.
8. Post. 4 January 1870.
9. Österreichische Parteiprogramme 1868-1966/ed. K. Berchtold. Vienna, 1967.
10. Stenographische Protokolle, haus der Abgeordneten des österreichischen Reichstages. X Session. 22 september 1885 bis 18 december 1890. Wien, 1891.
11. Tálos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981.
12. Senghaas M. Sozial sicherung und nationale Solidargemeinschaft? Die Entstehung einer staatlichen Sozialpolitik in Frankreich und Habsburgermonarchie // Working Paper. 2011. №1.
13. Tálos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981.
14. Ucakar K. Demokratie und Wahlrecht in Österreich. Zur Entwicklung von politischer Partizipation und Staatlicher Legitimationspolitik // Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. B.24. Vienna, 1985.
15. Weidenhalzer J. Der sorgende Staat. Zur Entwicklung der Sozialpolitik von Joseph II bis Ferdinand Hanusch. Vienna-Munich, 1985.

УДК 159.92(075)

Маловичко Сергей Иванович

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАРРАТИВЫ В СИСТЕМЕ ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье ставится вопрос о специфических чертах национально-государственной истории, возникшей в классической модели европейской исторической науки, определяется видовая характеристика такого историографического источника как национально-государственный нарратив. Автор уточняет понятие «социально ориентированное историописание», анализирует свойства национально-государственного нарратива как вида историографических источников.

Ключевые слова: источниковедение историографии, историографический источник, социально ориентированное историописание, классическая модель европейской исторической науки, национально-государственный нарратив.

Malovichko Sergey I.

NATIONAL NARRATIVES IN SYSTEM OF KINDS OF HISTORIOGRAPHIC SOURCES

In a paper raises the question of the specific features of the national history, occurred in the classical model of European historiography, the specific characteristic of kind of historiographic source as a national narrative is defined. The author clarifies the concept «socially oriented historical writing», analyzes the properties of national narrative as a kind of historiographic sources.

Key words: Source study of historiography, historiographic source, socially oriented historical writing, classical model of European historiography, national narrative.

Мое внимание к источниковедению историографии обусловлено теоретико-познавательной концепцией Научно-педагогической школы источниковедения [2], научным принципом которой является – *история как строгая наука*.

В данной статье я обращаю внимание на основные свойства такого историографического источника как национально-государственный нарратив, относящегося к группе видов социально ори-

ентированного историописания¹. Для решения проблемы я последовательно (1) охарактеризую предметное поле источниковедения историографии и предложу определение историографического источника; (2) уточню понятие «социально ориентированное историописание» (3) проанализирую национально-государственный нарратив как вид историографических источников.

Предметное поле источниковедение историографии. Источниковедение историографии – предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. *Объект* источниковедения историографии – система видов историографических источников (произведений историков). *Предмет* — порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках.

Феноменологическая концепция источниковедения, в основу которой заложен принцип «признания чужой одушевленности», позволяет выделять виды (монографии, статьи, диссертации, исторические очерки, тезисы, рецензии, лекции, учебные пособия и т. д.) и группы (по типам исторического знания: научное и социально ориентированное) историографических источников по целеполаганию (их авторов) и структурировать работы историков не по значимости, а рассматривать их как рядоположенные, но не одинаковые. Такая практика помогает выявлять, иной по отношению к научной истории тип исторического знания. Поэтому по типу представленного в историографических источниках исторического знания их целесообразно разделить на две группы: 1) группу видов историографических источников научной истории; 2) группу видов историографических источников социально ориентированного историописания.

Понятие «социально ориентированное историописание». Естественно, что понятие «социально ориентированная история» носит терминологический характер. Надо понимать, что любое знание как результат познавательной деятельности имеет социальный характер. Но речь идет не о социальной/социокультурной обусловленности процесса познания (вряд ли в 2014 году есть смысл дискутировать по этому поводу), а о том, что в культуре существует потребность – и потребность, частично удовлетворяемая – в специальном конструировании ориентированного на удовлетворение потребностей социума исторического знания, не базирующегося на исторической науке (естественно, востребующего ее фактологию, но особым образом). Это знание надо отличать, с одной стороны, от массового исторического сознания, сильно трансформировавшегося в период постмодернистского кризиса идентичности, и, с другой стороны, от популяризации научного знания. Социально ориентированное историописание (в отличие от научной истории – стремящейся к получению нового знания) имеет целью конструировать национальное, локальное, конфессиональное прошлое и выполняет практические задачи удовлетворения потребностей общества в нужном (соответственно той или иной ситуации) прошлом, а также контроль над социальной памятью. В качестве основных форм реализации социально ориентированного знания в современной социокультурной ситуации следует назвать искусственную коммеморацию, учебную литературу по национальной (отечественной) истории и местную историю (историческое краеведение) [5].

К группе социально ориентированного историописания мы относим не только национально-государственные нарративы (о которых речь пойдет ниже) но и такие виды историографических источников, как учебная литература по национальной истории и историческое краеведение.

Национально-государственный нарратив. Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели исторической науки, получив максимальное распространение в XIX в. Он включает в себя всю известную историю того или иного народа-государства или значительную часть этой истории, выстраиваемой в линейной перспективе. Исторический рассказ об истории государства построен как четкая хронологиче-

¹ Данный вид историографических источников впервые выделен в готовящемся к изданию учебном пособии для студентов-историков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (см.: Источниковедение и информационные ресурсы истории: учебн. пособие / И. Н. Данилевский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская; отв. ред. М. Ф. Румянцева; НИУ «Высшая школа экономики». М., 2014 (в печати).

ская последовательность логически выявляемых периодов, имевших в своей структуре сеть, состоящую из монархий и других династий, войн, завоеваний, перемен в структуре управления государством и пр. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией).

Европейские историки второй половины XVIII–XIX в. выполняли важную задачу конструирования национальных историй, заключающуюся в создании непрерывного повествования о прошлом своих народов (от истоков до настоящего времени). Несмотря на различия в языках, конфессиях, наличие территориальных споров и неразрешенность многих культурных вопросов, национально-государственные нарративы связывали «свои» народы невидимыми нитями, а чаще просто «исторической судьбой». Показательными в этом плане стали истории немецкого самосознания и русского (великорусы, белорусы, малорусы) единства.

Целеполагание такой истории наглядно выразил во второй половине 30-х годов XIX в. Н. И. Надеждин в статье «Об исторических трудах в России» (1837). Не отрицая важности исторической критики в формировании научности в истории, он укорял, например, «скептическую школу» (М. Т. Каченовского) за то, что они не смогли быть снисходительнее к «полусвету» некоторых «фактов» (т.е. не закрывали глаза на спорные вопросы российской истории). По мнению Н. И. Надеждина, у русской истории есть более высокая, чем строгая научность, цель – формирование нации. Такую позицию он мотивировал защитой национальных, но не научных интересов, заметив, что России нужно соединить в себе «кровные» территории (Украина, Белоруссия), «и ничего не может укрепить сильнее этого воссоединения, как *ясная память древних веков нашей древности* [здесь и далее выделено мной. – С.М.]». После чего Надеждин подчеркнул: вот почему «*эти века для нас бесценны*» [6, с. 116–131]. Таким образом, историк выбрал ту историю, в которой возможен «полусвет», – историю социально ориентированную, но внешне выстраиваемую в форме научного типа историописания. Его выбор был связан с гражданской позицией, желанием иметь историю «русского единства».

Профессионализация истории шла рука об руку с процессом конструирования национальных традиций, актуализированных интеллектуальным движением эпохи романтизма первой половины XIX в. По мнению С. Бергера, в это время «по всей Европе наблюдается усиливающаяся симбиотическая связь письма истории и даже истории как университетской дисциплины с практикой строительства национальных тождеств». Этот сплав историк назвал «историографическим национализмом». Последний особенно проявлялся в практике поиска в первобытности специфических национальных типов европейских этносов: кельтских, германских, романских и славянских. Христианство в его православном, католическом и протестантском вариантах стало еще одной важной особенностью, определявшей в текстах европейских историков национальный дух их народов [12, р. 19–31]. Так религиозная составляющая превращалась в один из мифов, введенных в национально-государственные истории.

Именно это можно найти в «Русской истории» (в 5 т., 1839–1841) Н. Г. Устрялова. Автор включил религию в «миф Европы». По его мнению, добродетели государственного благоустройства «были неминуемым следствием самой религии, и Русь разделила их со всей Европой, обязанную единственно христианской вере перевесом своим над прочими частями света на поприще гражданственности и образованности». После такого замечания русский историк перешел от конструирования общеевропейского к «своему», русскому национальному мифу, начав со слов: «Вместе с тем христианство принесло нашему отечеству другие выгоды, коих не имела Западная Европа...» [11, ч. 1, с. 103–104].

Заинтересованность историков в конструировании национально-государственной истории принимала безусловные социально ориентированные черты. Попытки включения национальной истории в более широкий международный контекст (для демонстрации мирового величия), в котором действует «свое» государство-нация, подавлялись постоянной актуализацией внимания на чертах суверенности, что приводило к изоляции «своей» истории, противопоставлению ее другим. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал о «своих»: «Подобно Америке Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскими! надобно только мыслить, чтобы с лю-

бопытством читать предания народа, который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны никому до толе неизвестные, внес их в общую систему географии и истории и просветил божественной верой...» [3, т. 1, с. XII].

Свое замечание Н. М. Карамзин пояснял тем, что, завоевывая Азию, Россия «приобрела новое Царство для России, открыла второй новый мир для Европы» и, называя русского завоевателя Сибири именем известного испанского колонизатора, отмечал: «Российский Пизарро, не менее Испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества» [3, т. 9, с. 370, 383].

Через несколько десятков лет ему вторит британец Т. Б. Маколей, но только уже о «своей» национальной истории («История Англии» в 5 т., 1849–1861), в которой народ создал великое государство, успешно защищавшееся «от внешних и внутренних врагов». Историк стремится описать его благоденствие, «подобно которому летописи дел человеческих еще ничего не представляли <...>, как в Америке британские колонии быстро сделались гораздо могущественнее и богаче тех государств, которые Кортес и Пизарро присоединили к владениям Карла V; как в Азии британские искатели приключений основали державу, не менее блестящую и более прочную, чем монархия Александра» и т.д. [4, т. 6, с. 1–2]

В классической модели историографии «научность» и «объективность» национально-государственной истории связывалась с последовательностью ее изложения и «истинностью» описываемых событий, в которых участвовал народ и его герои. То, что такая история не только научна, но и объективна, не вызывало сомнения, поэтому Н. Г. Устрялов в 1836 г., отметив ее правильность словом «верная», подчеркнул: «Русская история достигает своей цели *верным* [выделено мной. – С. М.] изображением перемен, случившихся в состоянии Русской державы, с указанием причин тому и следствий» [10, с. 405–408]. Но сама модель национально-государственной истории (несмотря на «верное изображение») оказывалась социально ориентированной, так как каждый такой труд ставил целью поиск национальной идентичности.

В середине XIX в. модель национально-государственной истории приобретает все более респектабельные черты научности, что показывает многотомный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (в 29 т., 1851–1879), в котором автор как само собой разумеющееся отметил: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной...» [9, кн. 1, т. 1, с. 1]. Надо признать, что большой труд С.М. Соловьева в немалой степени стал еще и исследовательской работой.

Классическая европейская историография XIX в. выступила основным инструментом трансляции в общественное сознание англичан, немцев, французов, русских и т.д. представления об особой ценности собственного государства, прошедшего долгий и нелегкий путь своего строительства.

В неклассической модели исторической науки с рубежа XIX–XX вв. интерес профессиональных историков к написанию национально-государственных нарративов сменился заинтересованностью в изучении истории отдельных социальных, культурных, экономических, политических процессов, а модель таких исследований уже не соответствовала линейной модели истории, характерной для национально-государственных нарративов. Поэтому в XX в. для написания трудов по национально-государственной истории стали создавать авторские коллективы, в рамках которых каждый из историков писал тот или иной раздел истории, соответствовавший его научным интересам.

В советской историографии крупные проекты написания национально-государственной истории (выполняемые коллективом историков) последовали один за другим в 1950-х – 1970-х годах. Первый, задуманный еще до Великой Отечественной войны, осуществлялся в СССР в 1950-х годах. В 1953–1958 гг. были изданы девять томов «Очерков истории СССР» [8].

Как можно заметить, в самоназвании труда присутствует понятие «очерки» и редакторы томов поясняли свой выбор сохранением мнений авторов отдельных глав [см., например: 8, т. 2, с. 5]. Несмотря на это, «Очерки истории СССР» обладают видовыми признаками такого историографического источника, как национально-государственный нарратив, поскольку построены

по модели линейной истории, имеют строгую хронологическую структуру и материалы (очерки) последовательно рассказывают о строительстве государства.

Следующий проект «История СССР с древнейших времен до наших дней» в двух сериях и 12 томах (первая серия в шести томах – с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции; вторая серия в шести томах – от Великой Октябрьской социалистической революции до дней написания труда) выполнялся с 1966 г. по 1980 г. [1] Последний, 12-й том так и не был издан. Если в первом случае («Очерки истории СССР») советские историки закончили изложение событий национально-государственной истории концом XVIII в. и проект был остановлен, то во втором случае («История СССР») редколлегия и авторам не удалось изложить советскую историю после 1961 г.

Незаконченные проекты по написанию национально-государственной истории, осуществлявшиеся в контексте неклассической исторической науки, свидетельствуют о кризисе национально-государственных гранд-нарративов, который начался вместе с кризисом классической модели исторической науки. П. Нора замечает об этом: «Эта модель истории больше не работает. Ни с точки научной, ни с моральной точки зрения, ни как метод, который она применяет, ни как соответствующая ей философская система. Ее распад начался в эпоху между мировыми войнами...» [7, с. 8]

В отечественном историографическом процессе национально-государственная история, создававшаяся трудами историков XIX – начала XX в. как русская история (великорусская, малороссийская, белорусская), была разрушена после 1917 г., ей на смену пришла история СССР и «советского народа», но и последняя начала ломаться к концу 1980-х годов и окончательно оказалась разрушена после 1991 г.

Национально-государственные нарративы, выстроенные в линейной модели и логично структурированные по вехам государственного строительства, служили и служат удобным материалом для трансляции национальной (отечественной) истории в образовательном процессе как в высших учебных заведениях, так и в средней школе. Но, еще раз подчеркну, что выполняют они свою транслирующую роль лишь в линейной перспективе, характерной для классической историографии XIX в.

Литература

1. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2-х сериях; 12 т. М.: Наука, 1966–1980.
2. Источниковедение.ру [Электронный ресурс]: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д. А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010–2013. Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. / Николай Карамзин. СПб., 1818–1829.
4. Маколей Т. Б. История Англии. Ч. 1 // Т. Б. Маколей, Полн. собр. соч.: в 15 т. СПб., 1866. Т. 6. 430 с.
5. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: МГОПИ, 2013. 252 с.
6. Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. СПб., 1837. Т. 20. С. 93–136.
7. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. 329 с.
8. Очерки истории СССР: в 9 т. / гл. ред. Н. М. Дружинин. М.: АН СССР, 1953–1958.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 6 кн.; 29 т. СПб., 1896.
10. Устрялов Н. О системе прагматической русской истории // Русская история Н. Устрялова. Изд. 5-е, испр. и доп. ист. обозрением царствования государя императора Николая I: в 2 ч. СПб., 1855. Ч. 1. С. 405–433.
11. [Устрялов Н. Г.] Русская история Н. Устрялова: в 5 ч. СПб., 1939–1841.
12. Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism / Stefan Berger // The Oxford History of Historical Writing. N.Y., 2011. Vol. 4: 1800–1945 / eds by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. P. 19–40.